

РЕЦЕНЗИИ

A. Holvoet. Mood and modality in Baltic. Kraków: Wydawnictwo uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007. 244 p.

Читатель, который обычно начинает просматривать книгу с оглавления, увидит, что, например, третья глава называется «The irrealis», а следующая – «Evidentials», а значит, подумает такой читатель, в представлении автора, ирреалис (одно из наклонений) и эвиденциальность иерархически располагаются на одном уровне. У такого читателя не будет сомнений, что автор придерживается той точки зрения, что эвиденциальность не противопоставляется модальности, а является ее частью (ср. иногда встречающийся термин «эвиденциальная модальность»), а то, что «эвиденциальность» никак не фигурирует в названии книги, укрепит читателя в его мнении. Но далее сказано, что эвиденциальность не рассматривается как наклонение, и здесь начинается интрига, которая достигает своей кульминации в четвертой главе, где выясняется, что в балтийских языках показатели наклонения и эвиденциальности могут встречаться в одной словоформе, что однозначно требует их считать разными грамматическими категориями. Вообще, ощущение интриги сохраняется на протяжении всего времени прочтения книги, что, безусловно, является более чем положительной характеристикой последней.

В предисловии автор говорит о том, что необходимость написания данного труда вызвана тем, что грамматические явления балтийских языков¹ недостаточно доступны для общей лингвистики и для типологии, так как описаний их существует немного, а те, что имеются, как правило, не полны, ориентированы на традиционный диахронический подход и во

многом устарели с теоретической точки зрения.

Первая глава как раз и посвящена теоретическим предпосылкам исследования. В ней изучается новейшая литература о модальности и наклонениях в типологическом аспекте; картина модальности рассматривается в связи с категориями наклонения, с точки зрения степени грамматикализации. Типы модальности: динамическая, деонтическая, эпистемическая – разбираются настолько подробно и наглядно, что данная глава могла бы составить часть пособия по общей морфологии для продвинутых студентов лингвистических специальностей.

Во второй главе осуществляется непосредственный переход к предмету исследования. Здесь дан инвентарь наклонений литовского и латышского глагола, а также лексемы и конструкции, использующиеся для выражения модальных предикатов, т.е. различных типов эпистемической, деонтической и динамической возможности и необходимости в балтийских языках. Бегло представленные в данной главе категории в основном разбираются в последующих главах, специально посвященных каждой из них. Исключение составляют некоторые маргинальные модальные конструкции, речь о которых идет только здесь. К ним относятся конструкции с причастиями и отглагольными именами. Первые имеются в обоих балтийских языках; в литовском сохраняется специальная форма *participium necessitatis*, использующаяся в таких конструкциях, в латышском она утрачена, но обнаруживается в текстах до XVII в., в современном языке в данной функции употребляются пассивные причастия, которые могут быть образованы также и от непереходных глаголов. Второй тип конструкций – с отглагольными именами – имеет место только в латышском языке, семантика их может быть динамической или деонтической, но никогда – эпистемической.

Третья глава, как уже упоминалось, посвящена ирреалису. В первом разделе «Категория

¹ Берется материал только двух живых языков, т.к. качество сохранившихся прусских текстов не позволяет делать надежные выводы относительно грамматической семантики этого языка.

ирреалиса» обсуждается, как в лингвистической литературе понимается этот термин. Ирреалис предлагается не считать отдельным наклонением, а ассоциировать со всеми наклонениями, противопоставленными реалису/индикативу. Оппозиция между «ирреалисом» и «ирреальностью» понимается как противопоставление соответственно грамматического наклонения и семантической модальности. Приводится некоторый типологический фон выражения ирреальной модальности. В следующем разделе автор переходит к ирреалису в балтийских языках. Кандидатом на статус ирреалиса в балтийских языках является наклонение, которое в литературе по литовскому и латышскому языкам называется по-разному: «кондиционалис», «оптатив» и «субъюнктив». В этих языках также есть инфинитив и императив; окончательный вывод о том, относится ли балтийский императив к зоне ирреальности, автор не делает.

Следующие параграфы посвящены ирреалису и фактивности, ирреалису и деонтической модальности, оптативному и гортативному употреблению ирреалиса. Заключает главу параграф об истории балтийского ирреалиса, в частности, приводится такая точка зрения, что балтийский ирреалис произошел из плюсквамперфекта, автор считает ее вполне обоснованной и приводит типологические параллели.

Четвертая глава («Эвиденциальность») начинается с утверждения о том, что в балтийских языках есть серии эвиденциальных конструкций, которые традиционные грамматики описывают как часть системы наклонений и, в случае литовского языка, также как часть залоговой системы. Отличительной чертой балтийских эвиденциальных форм является то, что в их выражении участвуют причастия, а не финитные формы глаголов. Поэтому эвиденциальность в балтийских языках является не словоизменительной категорией глагола, а «синтаксической категорией». С другой стороны, эвиденциальные формы, хоть и имеют формальные признаки причастий, не могут быть названы настоящими причастиями. Это свидетельствует о сдвиге эвиденциальности от синтаксиса к глагольной морфологии, что, возможно, сопутствует возрастающей грамматикализации данной категории.

В латышском языке в качестве эвиденциальных форм функционируют только активные причастия, в литовском – также и пассивные. В латышском языке, в принципе, есть конструкции с причастиями прошедшего времени, пассивными вместо активных, но они употребляются, если субъект не определен. Семантика обоих типов конструкций тем не менее одинакова: чистый цитатив. Ситуация с

литовской эвиденциальностью более сложная, дистрибуция конструкций с активными и пассивными причастиями не имеет отношения к залогу – они служат для различения всех возможных эвиденциальных значений: инферентива, миратива и цитатива.

В некоторых латышских и литовских диалектах окончания причастий, функционирующие как эвиденциальные показатели, могут прибавляться к основе с показателем ирреалиса. В таких формах присутствуют показатели как наклонения, так и эвиденциальности, что противоречит принципу, по которому показатели одной грамматической категории не могут встречаться в одной словоформе. В латышском языке показатели эвиденциальности могут прибавляться к показателю дебитива, но это, по мнению автора, другой случай, так как дебитив сам по себе не может считаться наклонением (об этом пойдет речь в восьмой главе).

Предлагается следующая схема возникновения эвиденциальности в балтийских языках:

- 1) специфическая разновидность перфекта с утраченным вспомогательным глаголом взяла на себя эвиденциальную функцию;
- 2) инференциальная семантика приобрела собственный формальный показатель, ее первоначальная связь с перфектом перестала ощущаться;
- 3) после отделения форм эвиденциальности от перфекта новые конструкции, со значением настоящего времени, включающие формы настоящего времени, возникли наряду с конструкциями с причастиями прошедшего времени.

Последняя стадия этого процесса произошла только в литовском языке.

В пятой главе «Модальность, эвиденциальность и интерпретирующее употребление» последовательно разбираются случаи употребления показателей одной категории в значении другой: деонтической и эпистемической модальности в значении эвиденциальности, императива в значении гортатива и др. Приводятся русские параллели. Хотелось бы сделать небольшое замечание носителя языка: на с. 115 в сноске приводится русское предложение *Подожди, пусть отдохну* как возможное в языке, однако представляется, что реально ему соответствует: *Подожди, дай отдохнуть*.

Две следующие главы посвящены модальным глаголам: глава шестая – модальным глаголам в грамматике, глава седьмая – лексическому аспекту.

«Ответ на вопрос, есть ли в балтийских языках четко очерченный класс модальных глаголов, должен быть отрицательным», заключает автор. Конструкции с модальными глаголами, в общем, не характерны для балтийских язы-

ков, а те, что имеются, в основном, заимствованы из контактных языков.

Особенное место, как представляется, занимает глава восьмая «Латышский дебитив». В латышском языке есть специальная спрягаемая форма, называемая дебитивом. Дебитив является аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола 'быть', который изменяется по временам и наклонениям, но не по лицам, и специальной неспрягаемой формы, состоящей, в свою очередь, из префикса *jā-* и 3-го л. презенса индикатива. Субъект в дебитивной конструкции стоит в дативе, прямой объект стоит в номинативе, исключение составляют возвратные местоимения 1-го и 2-го л., которые стоят в аккузативе. Дебитив может выражать все три типа необходимости: эпистемическую, деонтическую и динамическую.

Эта форма традиционно описывается как наклонение, но, по мнению автора, это вряд ли верно; приводится несколько аргументов. Но возникает интригующий вопрос: если дебитив не наклонение, то что это? Наиболее приемлемым решением автору представляется интерпретировать дебитив как особый залог.

В главе девятой исследуется архаичная конструкция, выражающая необходимость, присутствующая в обоих языках: 'быть' + инфинитив. Это конструкция изначально имела посессивное значение. Прослеживаются параллели в разных языках, в том числе и в русском. В этой связи хотелось бы сделать еще одно за-

мечание носителя языка. На с. 203 в сноске читаем: *мне нечего делать* наряду с более современным у *меня нечего делать*. Последнее все же представляется вряд ли возможным (в том же значении).

В заключительной десятой главе речь идет о наклонении в придаточных предложениях. В этом балтийские языки ведут себя по-разному. В литовском языке деонтическое придаточное требует употребление форм ирреалиса при отсутствии специфического деонтического комплементаризера, в латышском же наоборот: специфический деонтический комплементаризер позволяет производить выбор между реализмом и ирреализмом независимо от придаточного предложения.

Данные балтийских языков демонстрируют взаимодействие между главным предикатом, значением комплементаризера и наклонением. Чем больше переменных, тем более тонкие различия можно сделать между типами придаточных. Латышский язык в этом смысле устроен сложнее, чем литовский, и еще многое остается открыть в этом языке в будущем. Так заканчивается книга, но конец больше похож на начало – начало новой интриги и новой книги известного балтиста и типолога, которую проницательный читатель уже с нетерпением ждет.

Т.Б. Агранат

A. Stefanowitsch, St.Th. Gries (eds.). Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 319 p.

Книга «Корпусные исследования метафоры и метонимии» представляет собой сборник статей, в которых с точки зрения корпусного подхода рассматривается широкий спектр вопросов, лежащих в основном в области интересов когнитивной лингвистики: образование и функционирование конкретных метафорических моделей, выявление областей источников метафор, историческое развитие метафор, метафора и дискурс.

Сборник состоит из 12 статей, указателя авторов, предметного указателя и указателя метафорических областей и сценариев, рассматриваемых в данном сборнике (например, СТЫД, ЛЮБОВЬ, СОБЫТИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и т.д.).

Редакторы данного издания, Анатолий Стефанович (профессор Бременского университета, Германия) и Стефан Грис (доцент Университета Калифорнии, Санта-Барбара), – специалисты по компьютерной и корпусной лингвистике, главные редакторы журнала

«Корпусная лингвистика и лингвистическая теория», посвященного применению корпусов в лингвистических исследованиях. Основные направления исследований А. Стефановича – грамматика конструкций, теория метафоры, фразеология. С. Грис занимается вопросами морфонологии, синтаксиса (collostructional analysis), кроме того в рамках когнитивной лингвистики работает над проблемами полисемии и квазисинонимии, овладения языком. Авторы статей – лингвисты из университетов Великобритании, Италии, США, Финляндии, Чехии.

Во вводной статье к сборнику «Корпусно-ориентированные подходы к метафоре и метонимии» А. Стефанович дает обзор современных исследований (в том числе и статей из сборника), в которых теоретические идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987; 1993; Johnson 1987], касающиеся метафоры и метонимии, подтверждаются и дополняются корпусными исследованиями; он